

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETYANY

| Закат всепроникающей ясности |

ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETYANY

Россия, Санкт-Петербург.  
Санкт-Петербургский Государственный университет. Философский факультет.  
Кафедра онтологии и теории познания. Аспирант.Russia, St. Petersburg.  
St. Petersburg State University, Faculty of Philosophy.  
Department of Ontology and Theory of Knowledge.  
Postgraduate Student.[ocherk.on@yandex.ru](mailto:ocherk.on@yandex.ru)

## ЗАКАТ ВСЕПРОНИКАЮЩЕЙ ЯСНОСТИ

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ ВАЛЕРИЯ ВЛАДИМИРОВИЧА САВЧУКА

«МЕДИАФИЛОСОФИЯ. ПРИСТУП РЕАЛЬНОСТИ» СПБ.: ИЗД-ВО РХГА, 338 — 2013 С.

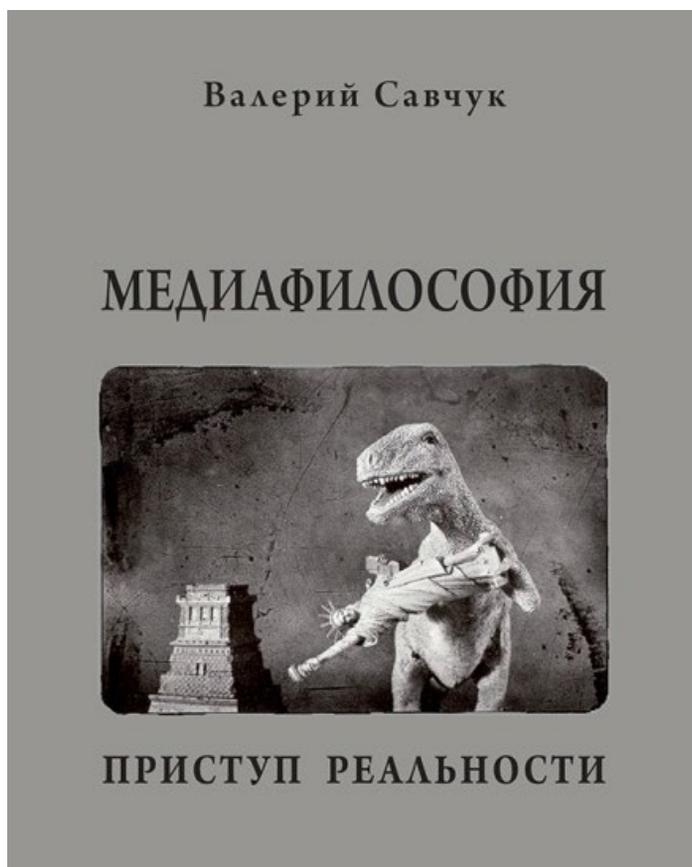
В рецензии рассматривается книга Валерия Савчука «Медиафилософия. Приступ реальности».

**Ключевые слова:** медиафилософия, медиареальность, децентрация, сеть, локальные инстанции

## The Twilight of Pervasive Clarity

The review focuses on Valery Savchuk's last book — “Mediaphilosophy — Rush of the Reality”.

**Key words:** mediaphilosophy, mediareality, web, local instances



После взрыва информационной сверхновой, в эпоху заката всепроникающей ясности, контуры былых смыслов начинают обретать непривычный контраст. Кажется, что прежние формы концептуализации сущего, начинают утрачивать строгость вопрошания. Сами фигуры дисциплин пошатнулись в пропорциях, выдвинув на острие рефлексии проблемы, смутное ожидание неизбежности которых ранее виделось чем-то вроде причудливого измышления, казалось вариацией на тему. Как вам, например, представленная в книге «Медиафилософия: приступ реальности» мысль о лягушке как медиа? А размышления в ней же о заборах и мусоре? Сегодня оптикой теоретических аппаратов захватываются проблемные зоны, бесконечно превосходящие разрешающую способность прежних линз. Что общего могут иметь диалектика и медиафилософия, если мы ретроспективно рассматриваем диалектику как форму торжества одного и только одного медиа (гегелевское «абсолютное знание»)? А феноменология? Кто еще верит в то, что приостановка значения, производимая «эпохэ», возможна исключительно по моей воле? В то время как седирование становится господствующей и наиболее предпочтительной из возможных экстремальных практик тела, наивность естественной установки сознания, окончательно вытесняется экстазом дигитальных миров. Чего стоит гордый аутизм Гуссерля, по сравнению с аутизмом малых мира сего — геймеров?

Остается констатировать, что история философии закончилась в той мере, в какой сами параметры сущего изменились. Наверное, в происходящем можно усмотреть осуществление



ОЧЕРЕТЯНЫЙ Константин Алексеевич / Konstantin OCHERETYANY

| Закат всепроникающей ясности |

еще одной «медиаальной» метафоры. То, что было сосредоточено в гранях мирового кристалла (символ Единого, Ума, Души) — мир, уютно чувствующий себя в границах до неприличия прозрачных категорий, — сегодня приобрело текучесть. Кристалльные характеристики новоевропейского сознания (прозрачность и чистота, совершенство пропорций математической структуры), после серии мучительных упражнений по выработке адекватного пространства отклику (проект «Топологической рефлексии») усложняются до той степени, что перестают сообщать нам о чем-либо. Концентрация событийных токов в локальных зонах («черных ящиках медиа») лишают голоса большие теории. Когда типология поставленных перед философами проблем начинает уступать разбросу индивидуальных прецедентов, а бесконечно усложняющееся в своих характеристиках сущее, стусевывает стройные контуры объектов чистого теоретического разума — кристалльные определения оборачиваются вязкой жидкостью экрана. Впрочем, речь не идет о чем-то принципиально новом. Идеолог постинформационного общества — Валерий Владимирович Савчук — не раз предупреждал нас о том, что жидкость экрана несколько не говорит о его податливости, если угодно «снятии». Экран остается экраном, разница лишь в том, что экран жидкого кристалла перестает работать в режиме простого отражения. Не включенный он слеп, как слеп и не включивший его. Валерий Владимирович Савчук в своей новой книге — «Медиафилософия: приступ реальности» и предлагает такой анализ слепых пятен рефлексии, рассмотрение мертвых в своей недосыгаемости для проторенных ходов мысли зон бытия. И если в прежнем проекте («Топологическая рефлексия») мы можем зафиксировать одно упущенное традицией онтологическое измерение — философскую топологию, то в новой книге речь идет скорее о воронках и лагунах смысла в древних каналах рефлексии. Мысль о топологии, находит продолжение в размышлении о локальных способах и формах организации смысла, экзистенциального ландшафта, режимах чувственности — о том, чему они позволяют и не позволяют быть. «Медиареальность, вбирая всю совокупность посредников, предъясняет мир в его данности. Нет другой реальности, кроме той, которая дана нам медиа...» (С. 143) Когда-то Гегель, выявив скрытое тождество объективной и субъективной формы духа заметил, что не только ученый отличает одно животное, например тигра, от другого по когтям и клыкам, но и сам тигр, остротой своих когтей и клыков, отличает себя от других животных, отличают себя от их мира. Человек же, если продолжать эту аналогию в гегелевском духе, не просто отличает себя от мира кого-либо, он отличает себя как от каждого из экземпляров в планетарии возможных миров, так и от мира (простой целостности) вообще. Когти и клыки человека, которыми он разрывает и дробит единство сущего в мире — это система категорий. Категориальная логика — игра разрыва и шва. Пункт сборки и линии разрыва диктуются в ней общими определениями. Но, что начинает происходить, когда статус категорий перестает отвечать запросу всеобщности, соотвествуя при этом необходимости? Любая претензия на всеобщность «из ретроспективы будущего всякий раз оказывается локальной» (С. 40) Возможно, только в медиаэпоху категориальный аппарат начинают воспринимать как действительный аппарат, как технологическую объективацию теоретической

схемы, вырабатывающую в одной или многих своих производных неподконтрольные следствия.

Речь идет о децентрированной сети локальных инстанций, определяющих модели воли, чувственности, сознания, — о логике производства события. «Конкретный вид медиа создает свою реальность, свой способ восприятия, свои практики обхождения с ним, но также — и это всегда нужно помнить — имеет свои разрешения/ограничения, ограниченные разрешения, коренящиеся в устройствах тех аппаратов и средств, которыми мы пользуемся» (С. 39). Если прежние модели философских онтологий оставались верны залихватско-азиатско-ковбойским устремлениям дойти до последнего моря/фронта (предельные основания сущего), то медиафилософскому анализу интересна, прежде всего, история непрочитанных общений. Эта история не представляет собой, впрочем, банальное перечисление вариантов альтернативного развития событий, но предъясняет рассмотрение действительных стимулов, безуспешно пытающихся скрыться от медиа-анализа под пеной производимых ими эффектов. «Медиа производят целостность, тем самым (и что важно — одновременно) обнажают технику ее производства» (С. 224) Наверное, в связи с переключением внимания с логики простой импликации (линейность истории, прогресс и развитие, режимы накопления капитала) на анализ промежуточных станций — посредников, можно было бы в очередной раз поставить вопрос о смерти субъекта. Вот пожелтевшие страницы славной истории былых одиссей абсолютного духа, красочные описания изысканий Dasein, вот его священный прах новоевропейского субъекта бережно со всеми предостережениями пересыпанный в черный ящик медиа. Но сменить тему и главного героя все еще означало бы остаться при сюжете (sujet) и с субъектом (subjectus). Скорее мысль о демонтаже прежних конструкций, открывает захватывающую панораму неучтенных средств. «Спекулятивность медиафилософии дает ей строгое правило: быть не у дел конкретного» (С. 237) Когда-то Фуко, размышляя о европейских эпистемах, предупреждал о невозможности помыслить отсутствие операционного стола на котором бы гетерогенные объекты находили бы себе покой в услужливой систематике порядка. Медиафилософия в этом смысле работает с миром из под которого выбито устойчивое основание: экзистенциальные практики уступают в нем место партизанской тактике, а мышление о мире, начинает находить свои истоки в том, что и мышлением никто прежде не называл бы. Как влияет на наше сознание, модели волевых объективаций, чувственность...забор? Больше ли он влияет на них чем iPad или меньше? Или забор может конкурировать с iPad'ом в производстве режимов тактильности? Так или иначе книга вторгается на новую территорию о которой прежние сталкеры эйдетических полей и задуматься не могли. Она не выступает компендиумом западной суммы знания на тему. Из-за такого положения дел создается устойчивое впечатление, что книга сопротивляется неподготовленному читателю, выдает усмешку всякий раз когда стрелки индикатора его внутреннего состояния застывают на границе (не)понимания. Но она не предполагает и обширную эрудицию, доскональное знание хитросплетений дискурсов (о) медиа. Скорее она ищет определенное направление поворота внимания, вектор при котором калейдоскоп знания, начинает менять свою мозаику.

